
Павел Лимонов
Истинная дракона.
Я выбираю мужа

Павел Лимонов

Истинная дракона. Я выбираю мужа

«Автор»
2026

Лимонов П.

Истинная дракона. Я выбираю мужа / П. Лимонов — «Автор», 2026

— Вы моя истинная, Элиса.— А вы, милорд, опоздали на десять лет. Я замужем.Рейнар Кест, могущественный дракон, мог предложить мне богатство, власть и жизнь, достойную королевы. Наша встреча пробудила во мне редкий магический дар, открыв двери древних святилищ и королевских архивов.А еще он был невероятно красив и умел заставить женщину почувствовать себя особенной.Но дома меня ждал Мартен. Мужчина, с которым я делила постель, мечты, радости и невзгоды. Мужчина, которого по-прежнему желала и любила.Я думала, наш брак выдержит любое испытание. Пока ревность не заставила мужа совершить поступок, которого я не могла ему простить. А собственные тайны не поставили под сомнение мою честность перед ним.Дракон подарил мне возможность начать другую жизнь. Но я хотела сохранить свою.Если только любимый мужчина еще готов разделить ее со мной...

© Лимонов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Половина стола 5
Глава 2. Два удара 12
Глава 3. Чужое имя 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Павел Лимонов
Истинная дракона. Я выбираю мужа

Глава 1. Половина стола

Мартен поставил передо мной тарелку и тут же отобрал ее.

— Нет, дорогая. Сегодня я не позволю тебе завтракать чернилами.

Я посмотрела на свои пальцы. На среднем красовалась синяя клякса, на указательном засохла полоска туши, а на запястье отпечатался крошечный уголок северной башни. Видимо, ночью я уснула над чертежом. Судя по тому, как Мартен разглядывал мое лицо, на щеке тоже сохранилось кое-что от башни.

— И лицо умой. Если встретишь дракона, он примет тебя за карту своих владений.

— Драконы не едят чертежниц.

— Откуда такая уверенность? Ты много с ними завтракала?

Я потянулась за тарелкой, но Мартен поднял ее выше. Пришлось встать, обойти стол и попытаться отнять у него свою яичницу с хлебом. Муж поймал меня за талию свободной рукой, притянул к себе и поцеловал в висок. От него пахло свежим хлебом и мылом с можжевеловым маслом, которое он все эти годы покупал у одной и той же торговки на рынке. Я прильнула к теплой шее, и тарелка благополучно вернулась на стол, хотя позавтракать нам обоим удалось не сразу.

Вода в медном рукомойнике остыла за ночь. Я кое-как оттерла чернила, пригладила волосы и, вернувшись на кухню, обнаружила, что Мартен занят куда более серьезным делом. Он пытался отвоевать у моего чертежа место для двух чашек и никак не мог найти свободный угол. Бумага занимала почти весь стол, свешивалась с края и упиралась в корзинку с яблоками.

— На половину этой поверхности у меня, помнится, тоже были права, — сказал он.

— У тебя есть целая мастерская.

— Там нельзя жарить яйца. Гаррет уже однажды попробовал, и мы неделю отмывали печь.

Я сдвинула чертеж, придавила скручивающийся угол солонкой. Мартен сел напротив и вынул из кармана сложенный вчетверо лист. Я узнала печать владельца склада по соседству с мастерской еще прежде, чем муж развернул бумагу.

— Ну? — спросила я.

— Согласен продать. Даже уступил девять золотых.

— Девять? Мартен, ты его пытал?

— Утомил. Это гораздо надежнее.

Он пододвинул мне лист. Пока я читала, муж ел, время от времени поглядывая поверх чашки. Я знала, как долго он ждал этого предложения. В его мастерской давно стало тесно. Если нужно было собрать широкую лестницу или большой резной шкаф, приходилось выносить верстаки во двор, а в дождь работа останавливалась вовсе. Соседний склад пустовал уже второй год. Его хозяин, купец Вард, держал цену так высоко, словно продавал хранилище королевской казны, а не закопченные стены с дырой в крыше.

— Здесь написано, что ключи ты получишь после осеннего торга.

— Да. До торга еще восемь недель, Вард успеет вывезти товар. Открытие устроим недели через три после торга, если не придется перекладывать пол целиком. Гаррет возьмется за петли и решетки, а мальчишку я найму на простую работу. Ты еще не передумала помочь с чертежом и счетами?

— Даже если узнаю, что пол надо перекладывать целиком?

— Особенно тогда.

Я прикинула в уме наши накопления. Часть денег лежала в железной шкатулке наверху, остальные накопления мы держали у городской менялы: она платила небольшой процент за пользование ими. Если не возникнет непредвиденных расходов, на покупку хватит, причем деньги на новые инструменты тоже останутся. Мы уже не первый вечер обсуждали, как устроить второе помещение. Мартен хотел поставить там широкий верстак для сборки каркасов и выделить ученикам отдельное место.

— Первую неделю после торга я буду свободна по вечерам, — сказала я. — Помогу обмерить помещение, потом вместе сверим закупки. Если у тебя к этому времени появится ученик, покажи ему, как вести книгу заказов. Не сваливай на него сразу все, чего сам терпеть не можешь.

— Ты только что лишила меня главного преимущества ученичества.

Он поцеловал кончики моих чистых пальцев и убрал договор. Когда мы познакомились, Мартен работал на хозяина с отвратительным характером. Я до сих пор помнила, как мы сидели у реки, ели горячие каштаны из одного кулька, а он рассказывал, какую мастерскую откроет, когда соберет достаточно денег. Теперь ему было тесно в той самой мастерской.

Часы с посеребренным маятником, первая роскошь, которую мы позволили себе после свадьбы, пробили восемь. Я вскочила, а Мартен, который никогда не понимал, зачем городской службе требовалось начинать работу так рано, спокойно допил чай.

— Не забудь, вечером встречаемся у рыбного причала, — напомнил он. — Я заказал столик у Ланцы.

— А повод?

— Могу придумать. Например, сегодня моя жена не опрокинула чернильницу в завтрак.

— Еще не вечер.

На этот раз он рассмеялся в голос. Я свернула чертеж, уложила его в длинный футляр и побежала наверх переодеваться.

Наш дом стоял в конце узкой улицы, по которой когда-то подвозили камень для речной набережной. Утром здесь пахло дымом, мокрыми досками и яблочной кожурой из соседского сада. Из спальни были видны крыши ремесленных кварталов, а над ними, если небо оставалось ясным, выступал зубчатый северный хребет. На одном из отрогов возвышалась башня, которую я уже несколько недель рисовала в разных разрезах. Издалека ее можно было принять за сторожевую, хотя бойниц в ней не было, да и вход располагался слишком высоко над землей. В толще стен проходили магические каналы. Вместе с четырьмя другими башнями она отводила горные ветры от города, и даже в самую дурную погоду люди в Вельне обычно могли спокойно ходить по улицам.

В это утро вершина башни едва различалась в дымке. Над ней стояло длинное белесое облако с необычно ровным нижним краем. За последние дни я несколько раз замечала там похожие облака и внесла их очертания в рабочую тетрадь. Никаких выводов из своих наблюдений я пока сделать не могла, но меня беспокоило, что в прежние годы я ничего подобного не видела.

Мартен застал меня у окна, когда я застегивала платье.

— Опять твоя башня?

— Посмотри. Видишь облако над ней? Вчера было такое же, хотя ветер дул с запада.

Он прищурился, посмотрел на дым из соседской трубы, потом на вершину горы.

— Внизу сегодня почти нет ветра. Наверху может быть всякое. Ты ведь рассказывала, что в горах воздушные течения идут в разные стороны.

— Могут. Только облака обычно не держатся на одном месте так долго.

— Скажи своим мастерам.

— Уже говорила.

Мартен пожал плечами и застегнул мне крючок между лопаток, до которого я вечно не могла дотянуться. Затем убрал волосы с моей шеи и прижался губами к коже. Я немедленно перестала интересоваться облаком.

— Вечером, — напомнил он, когда я повернулась к нему.

— У тебя совершенно дурное влияние на мою службу.

— Зато весьма благотворное на твой цвет лица.

У калитки мы разошлись. Мартен свернул к ремесленным каналам, я пошла вверх по улице, в сторону городской службы. По пути я увидела, как над крышами пролетела почтовая птица с зеленым кольцом на лапке. Кольцо светилось ровным огоньком: значит, письмо еще не было доставлено. Птица исчезла за башенкой городской управы, а я свернула в арку, где по утрам неизменно спорили торговцы с тележек и стражники, которым поручили держать проезд свободным.

Городская служба занимала бывшую красильню. Красильщики переселились ближе к реке лет тридцать назад, но в дождливые дни на первом этаже все еще пахло квасцами. На втором располагалась чертежная, где я работала вместе с тремя другими чертежниками. Утром здесь было приятно светло, а вечером наш заведующий, мастер Гельт, вечно ворчал по поводу расхода накопителей для светильников.

На моем столе лежали две записки. Первая касалась совершенно обычного дела: нужно было внести изменения в план водоотводного канала у солодовни. Вторую оставил сам Гельт. Он просил принести к нему все чертежи северного затвора, в том числе старые, с которыми я возилась последние дни.

Я обрадовалась, решив, что мастер наконец заинтересовался моими замечаниями. Убрала пальто, собрала бумаги и отправилась в его кабинет. Там, помимо Гельта, сидел смотритель горных сооружений, пожилой господин с красными от ветра щеками. Я встречала его несколько раз на совещаниях, но до сих пор не знала, как его зовут. Он пил чай и с удивлением рассматривал принесенные мною свертки.

— Морен, хорошо, — сказал Гельт, расчищая место на столе. — Покажите господину смотрителю северную башню до весеннего ремонта и после.

Я разложила два больших листа. Первый мы составили по результатам прошлогоднего обследования. Второй отражал изменения, внесенные после обвала. Смотритель вытер пальцы о салфетку, наклонился над чертежами и сразу нашел нужный участок.

— Вот эту кладку подняли заново. Отсюда до угла. Верхняя площадка тоже была повреждена, но ее укрепили до дождей. Верно?

— Верно, господин смотритель. Здесь отмечен и запечатанный канал.

Я указала на тонкую двойную линию, проходившую в стене ниже главного магического русла. На новом чертеже она обрывалась у заштрихованного участка.

— Вы все еще считаете его действующим? — спросил Гельт.

— Я считаю, что мы не знаем его назначения.

Смотритель поднял голову. Мне было приятно, что он хотя бы не перебил меня.

— Этот канал не соединялся с источником, — сказал он. — Мы обследовали его еще до обвала. Внутри было сухо, на стенках не обнаружили следов недавнего прохождения энергии. После ремонта проверили башню на трех уровнях нагрузки. Все показания соответствовали норме.

Я слышала это объяснение раньше. Оно было вполне разумным, и если бы дело касалось обычного сооружения, я, вероятно, на этом успокоилась бы. Но башни в окрестностях Вельна были старше нашего города. Мы многое узнали об их устройстве, однако далеко не всегда понимали, почему древние строители поступали именно так, а не иначе.

— Позвольте показать еще один лист.

Я достала из футляра свою ночную работу. Она пока не имела ни номера, ни печати службы. Я составила ее по копиям древних схем, хранившимся в нашем архиве, причем на восстановление отдельных участков потратила больше времени, чем следовало тратить человеку, которому за эту работу никто не платил.

— Здесь изображен затвор, когда в нем было на один ярус больше. Точно определить возраст подлинника никто не смог. В описи он числится под названием «Северные воды», хотя никакой воды внутри башни никогда не было. Посмотрите на этот знак.

В углу чертежа, рядом с обозначением главного русла, я нарисовала две вытянутые петли. Одна огибала другую и терялась там, где лист оригинала был порван. Рядом с ней, на первый взгляд совершенно бесцельно, стояла черта с двумя короткими зубцами.

— Такой же знак имеется еще на трех листах. На одном из них петля продолжается до нижнего яруса башни, приблизительно там, где находится запечатанный канал.

— Приблизительно, — повторил Гельт.

— Да. Я не могу перенести старую схему на современный план с полной точностью. Масштаб не указан, часть обозначений мне неизвестна. Но, возможно, канал использовался только при определенном направлении ветра. Тогда наши обычные испытания ничего бы не показали.

Смотритель взял с края стола очки. Он приложил к листу палец, медленно провел им вдоль нарисованной петли и задал несколько вопросов о том, какие именно копии я использовала. Я ответила. Под конец разговора он попросил Гельта отыскать подлинники, если те сохранились.

— И все же, госпожа Морен, — сказал смотритель, снимая очки, — на старых схемах достаточно странностей. В западной башне изображена лестница, которой нет ни на одном уровне, и мы в ее поисках уже трижды вскрывали кладку. В последний раз обнаружили только древнее птичье гнездо. Поймите меня правильно: я готов смотреть документы, но не собираюсь разбирать недавно отремонтированную стену перед самым осенним сезоном на основании нескольких линий.

— Я и не предлагаю разбирать стену. Сначала можно было бы выяснить, есть ли движение энергии за запечатанным участком.

— Наши приборы не берут на такую глубину, — напомнил Гельт. — Если бы брали, я бы уже отправил туда человека.

С этим поспорить было трудно. У меня самой от слабых колебаний работающей магии иногда покалывало в пальцах, но за всю жизнь я ни разу не сумела определить по этому ощущению, что происходит за каменной стеной. Приборы, которыми пользовались мастера, были точнее любого человека с моими способностями, однако и у них имелись ограничения. Чтобы заглянуть глубоко в действующее сооружение, требовался сильный источник энергии и специалист, способный различать ее движение. Иначе можно было получить красивые огни на шкале, не имеющие никакого отношения к неисправности.

— В таком случае, — спросила я, — нельзя ли проверить этот участок завтра?

Гельт удивленно посмотрел на меня.

— Почему завтра?

— В журнале работ указано, что на завтра обещали дополнительный источник силы.

Смотритель рассмеялся.

— Еще какой источник. Морен, завтра к вам приедет господин Кест. Собственной персоной.

Я решила, что речь идет об одном из многочисленных родственников владыки северных земель. В нашем городе служили двое дальних кузенов Кеста, причем один отвечал за содержание воздушных пристаней и периодически посещал мастерские городской службы. Но смотритель, заметив мое замешательство, уточнил:

— Рейнар Кест. Времени у него немного, так что вам повезло, если господин Гельт успеет показать ему хотя бы половину подготовленных бумаг.

Рейнара Кеста я прежде видела только на газетной гравюре. Судя по изображению, у него был весьма внушительный нос. Мартен утверждал, что художники рисовали драконам такие носы из почтения к их настоящим мордам. О Кесте я знала одну важную для меня вещь: под его покровительством велись исследования горных святилищ, закрытых для обычных посетителей.

— Он будет лично подавать энергию в затвор? — спросила я.

— Да, — подтвердил смотритель. — После весеннего ремонта королевский совет затребовал проверку на верхней границе допустимой нагрузки. Мы не можем обеспечить ее собственными источниками. Господин Кест согласился приехать.

— Тогда у нас есть возможность проверить канал.

Гельт со вздохом отодвинул мою схему.

— Элиса, завтра мы отчитываемся о завершении ремонта. Программу утвердили две недели назад. Я не стану менять ее в последнюю минуту, тем более на основании ваших предположений. Если во время штатного испытания обнаружится что-нибудь необычное, тогда и будем разбираться.

Мне хотелось возразить, однако смотритель уже складывал бумаги. Он взял копию моего чертежа и пообещал передать ее хранителям архива. Это было больше, чем мне удавалось добиться до сих пор.

— Морен, подготовьте чистовой разрез башни к утру, — распорядился Гельт. — Со всеми изменениями. Оставьте на полях место для записей. И каналы обозначьте так, чтобы их можно было найти без ваших пояснений. В прошлый раз я полчаса искал четвертый.

— Потому что вы держали лист вверх ногами.

Смотритель кашлянул в чашку. Гельт глянул на меня поверх очков, но ругать не стал.

— Сделайте так, чтобы я нашел и вверх ногами. Вот тогда будете настоящим мастером.

Я собрала чертежи. Уже у двери мне пришла в голову мысль, ради которой стоило рискнуть его хорошим расположением.

— Господин Гельт, могу я присутствовать при испытании? Если понадобятся пояснения к листам, проще будет спросить меня на месте.

Он помолчал, соображая, не появится ли у него завтра еще одна забота.

— Возьмете с собой полный комплект схем и журнал прошлогодних измерений. Будете находиться в нижней галерее вместе с помощниками. Если понадобитесь наверху, я позову. Договорились?

— Договорились.

До обеда пришлось заниматься каналом у солодовни, причем девушка из водной управы принесла неверные размеры каменной трубы. Ошибку я обнаружила, лишь испортив половину листа. Никакие великие магические открытия не освобождали город от необходимости отводить грязную воду от солодовни.

В полдень я съела у окна бутерброд с сыром, выпросила у соседа по столу линейку подлиннее и принялась за разрез башни. К тому времени облако над северным хребтом исчезло. Я даже решила, что мои наблюдения были следствием усталости. Однако, когда мы с чертежником из соседнего ряда вышли во двор за свежими листами, я увидела, как над крышей красильни качнулась высокая жердь с медным флажком. Ветра почти не было, а флажок дважды повернулся к горам и тут же вернулся обратно. Складской мальчишка сказал, что в последние дни так случалось постоянно. Он радовался: благодаря этому ему не приходилось подниматься на крышу, чтобы смазывать ось. Прежде флажок мог неделями торчать в одном положении.

Я записала и это. Возможно, не стоило соединять в одной тетради облака, флажки и древние чертежи. Но иной раз совершенно бесполезные наблюдения приобретали смысл только тогда, когда их собиралось достаточно много.

К четырем часам чистовой лист был почти готов. Оставалось нанести номера участков, и я достала свой старый набор измерителей. Он хранился в плоском деревянном ящике с выдвижной крышкой, на которой сохранились неглубокие царапины от циркуля. За одиннадцать лет я трижды меняла циркули, множество раз покупала новые перья, а ящик все еще служил мне. Мартен изготовил его из ясеня, причем крышку сделал совсем не такой, какую я изначально заказала. Я тогда возмутилась и заявила, что у мастера нет никакого права улучшать мою конструкцию. Он предложил вернуть мне деньги, если я сумею одной рукой открыть ящик его способом и своим. Я испробовала оба варианта, проиграла и, к своему удивлению, согласилась выпить с ним чашку чая.

Вспомнив это, я улыбнулась. В нашем доме давно стояли вещи гораздо дороже этого ящика, но ни одну из них я не берегла так тщательно.

Я успела сдать разрез до окончания рабочего дня. Гельт проверил номера, приложил лист к окну, выискивая непросохшие пятна туши, и остался доволен. Прочие бумаги он велел забрать завтра утром. За испытательную галерею отвечали горные мастера; каждому участнику полагалось получить у них пропуск и защитное кольцо. У меня такого кольца никогда не было, и я понятия не имела, как его правильно надевать. Гельт обещал объяснить все на месте, после чего отпустил меня с настойчивой просьбой хотя бы сегодня ничего не дорисовывать дома.

На рыбном причале в это время было шумно. Рыбаки разгружали лодки и отгоняли зачарованными метелками нахальных серых чаек.

Мартен ждал меня возле перил. За день он успел сменить рубашку, причесаться и даже избавиться от большинства стружек. Одну я все-таки нашла у него за воротником.

— Ты их нарочно оставляешь?

— Чтобы ты никогда не забывала, с кем связалась.

Он взял мой тяжелый футляр, и мы отправились к Ланце. Ее таверна стояла на сваях над водой. Летом хозяйка выставляла столы на широкую веранду, а к началу холодов натягивала между столбами зачарованное полотно. Оно пропускало свет, задерживало ветер и позволяло посетителям смотреть на реку даже в ненастье. Наш столик находился у самого края веранды. Мартен усадил меня спиной к печи, заказал жареную форель с картофелем и поделился новостью о том, что нашел желающего поступить к нему в ученики.

— Девятнадцать лет, представь себе. В этом возрасте я считал, что умею все на свете.

— А сейчас?

— Сейчас я знаю, что лучше всего на свете умею выбирать женщин.

— Женщин?

— Женщину. Одну. Успокойся и отдай мне обратно корзинку с хлебом.

Мы смеялись, пока Ланца расставляла тарелки. Затем я рассказала о завтрашнем испытании. Мартен отложил вилку, когда услышал имя дракона.

— Сам Кест? Ничего себе. Ты ведь когда-то собирала вырезки из газет о его экспедициях.

— О святилищах, которые он исследовал. Сам Кест меня тогда мало интересовал.

— Помню. Одну из карт мы даже повесили в спальне. Я еще полгода открывал глаза по утрам и смотрел на каменную рожу какого-то древнего дракона.

— Это был горный дух.

— От этого он не стал красивее.

Я вспомнила ту карту. На ней были изображены три горных святилища, в том числе знаменитое святилище Двух Крыльев. В свое время я собиралась добраться туда пешком, но выяснилось, что на один только путь потребовалось бы не меньше десяти дней, причем без разре-

шения хранителей меня все равно не пустили бы дальше нижних ворот. Потом нам пришлось менять протекавшую крышу, и деньги, отложенные на путешествие, ушли кровельщикам.

— Может, тебе удастся спросить у него про те горы, — предложил Мартен. — Неужели он не может выделить пару часов для городских мастеров? Не всем же вам вечно смотреть на горы снизу.

— Завтра мне повезет, если позволят подойти к столу с приборами. А ты уже отправляешь меня по святилищам.

— Ну, куда-нибудь же нам надо будет съездить, когда закончим с мастерской. Десять лет только собираемся.

— Ты согласился бы тащиться вверх по каменной лестнице ради нескольких исписанных плит?

Мартен задумчиво прожевал кусок рыбы.

— Если там наверху кормят, то вполне.

Мы еще долго сидели над пустыми тарелками. Вечерело, на другом берегу зажигались огни, и я смотрела, как они отражаются в воде. По дороге домой Мартен купил у торговки, которая последней собиралась уходить с рынка, бумажный кулек горячих каштанов. Половину съели еще у рынка, остальными лакомились до самой калитки.

Дома я подготовила теплую одежду для горной башни и положила в сумку рабочую тетрадь. Мартен наверху отыскал свой старый шерстяной платок, велел взять его с собой и, пока я собирала волосы перед зеркалом, спустился на кухню. Когда я вернулась, на столе уже не было ни чертежей, ни посуды. Муж поставил чайник и придвинул ко мне договор о покупке мастерской.

— Завтра занесу задаток. Еще раз посмотришь условия?

Я села рядом и перечитала лист. Мы договорились, что к концу недели переведем купцу первую часть денег. Затем Мартен убрал бумагу в шкатулку, погасил кухонный светильник и подождал, пока я поднимусь по лестнице.

Перед сном я ненадолго подошла к окну. Северная башня почти сливалась с горой. Только на ее вершине мерцали три огонька — дежурные мастера проверяли затвор перед завтрашним испытанием. Мне захотелось в очередной раз достать свои схемы и сравнить их, однако из спальни донесся голос мужа:

— Элиса, если ты притащишь эту башню в постель, я потребую с нее плату за проживание.

Я закрыла штору и забралась к нему под одеяло. До утра я собиралась забыть о службе.

Глава 2. Два удара

До северной башни мы добирались в открытой повозке городской службы. Выехали так рано, что лавочник напротив бывшей красильни еще только поднимал ставни. Мастер Гельт сел рядом с возницей, а нам с двумя его помощниками досталась скамья над задней осью. Когда молодой чертежник Берт пожаловался на холод, я предложила ему подержать на коленях мой футляр. Через полчаса он уже согрелся, удерживая футляр, который то и дело норовил соскользнуть под колеса, и уже не жаловался.

За виноградниками дорога пошла вверх. Река, широкая у Вельна, здесь сужалась и бурлила среди камней. Башня, которую я привыкла видеть из окна, постепенно обретала подробности: тяжелые, неровно обтесанные глыбы, выступающая из горы опорная стена, темные следы весеннего обвала.

На площадке под башней нас встретил вчерашний смотритель. Звали его, как выяснилось из приветствия Гельта, мастер Одрен. Он снабдил каждого из нас узкой полоской кожи с печатью горной службы и раздал защитные кольца. Кольцо было тяжелым, из серого металла, с крошечным прозрачным камнем в оправе.

— На левую руку, — велел Одрен, заметив, как я его рассматриваю. — На любой палец, лишь бы не слетело. Пока камень белый, можете работать. Если посинеет, отходите от стены. Если услышите два коротких удара в сигнальный колокол, покиньте галерею и ждите распоряжений на площадке. Даже если забыли там что-нибудь дорогое. Особенно если забыли что-нибудь дорогое.

Внутрь башни вела крутая лестница, поднятая над землей на добрых два человеческих роста. Пока я скользила по мокрым ступеням, мне оставалось только завидовать древним строителям, которые могли прилетать прямо на верхнюю площадку.

Нижнюю галерею освещали трубки из молочного стекла. Вдоль стен тянулись полки с приборами и мотками проводящей нити. У дальней двери двое мастеров крепили к стене измерительную раму. От каждого ее угла к полу уходила струна, тихо звеневшая при настройке.

На козлах возле лестницы мы устроили рабочий стол. Я прикрепила разрез башни к доске и придавила журналы грузиками. Старую схему с двумя петлями оставила в футляре, на самом верху.

Снаружи раздался шум, будто сорвали с креплений огромный парус. Струны измерительной рамы дрогнули. Берт бросил тетрадь и кинулся к двери. Я последовала за ним.

Дракон заходил на посадку со стороны ущелья. Первым я увидела его тень, скользнувшую по серой стене, и только потом разглядела самого дракона. На фоне светлого утреннего неба он казался почти черным. Солнце попадало на расправленные крылья и окрашивало их тонкие края в медный цвет. Еще мгновение он держался в воздухе с вытянутыми вперед лапами, затем опустился на камень. От взмаха крыльев пыль поднялась до верхней ступени, и мне пришлось закрыть лицо платком Мартена. Берт, стоявший ближе к выходу, закашлялся, но продолжал смотреть.

В Вельне драконов над городом видели ежедневно, но такую громадину совсем рядом мне еще не доводилось рассматривать. Я успела различить светлые полосы на шее, гребни вдоль спины и коготь, которым дракон, устраиваясь поудобнее, задел край нового защитного столба. Одрен поморщился.

На площадке наступило короткое затишье. Дракон сложил крылья, склонил голову. Его силуэт расплылся в густом мареве, несколько искр с тихим треском погасли на камнях. Когда воздух снова стал прозрачным, на месте огромного зверя стоял мужчина в длинном темном дорожном сюртуке. Он поправил воротник, принял от вышедшего навстречу слуги кожаную сумку и направился к Одрену.

— У вас новый столб, мастер? — спросил он, оглянувшись.

— Был новый, господин Кест.

Рейнар рассмеялся, остановился и внимательно осмотрел скол.

— Пришлите счет за ремонт в резиденцию. Впрочем, сперва покажите мне, куда вы собрались ставить следующий. Иначе это будет не последняя наша встреча с вашим столбом.

Я ожидала торжественных приветствий. Вместо этого владыка северных земель обсуждал со смотрителем расположение столба и уверял, что при боковом ветре дракону нужно больше места.

На лестнице я наконец разглядела его лицо. Газетный художник перестарался с носом. У Рейнара были широкие скулы, темные волосы с отдельными серебристыми прядями у висков и янтарные глаза. Выглядел он лет на сорок, хотя пережил уже двух королей. Пригнувшись под низкой притолокой, он спросил Гельта, с чего они начнут.

Гельт представил мастеров, показал программу испытаний и повел гостя к измерительной раме. Я осталась возле чертежей. Рейнар уже проходил мимо, когда заметил мой чистовой разрез башни.

— Это новый лист?

— Вчера закончили, — ответил за меня Гельт. — Со всеми исправлениями после ремонта.

Рейнар остановился у доски, снял перчатки и указал на заштрихованный участок стены.

— Здесь прежде был канал. Как его закрыли?

Гельт объяснил, что ответвление признали недействующим. Рейнар выслушал его и уже собирался перейти к осмотру верхней площадки, когда я не удержалась:

— Проверки проводились при обычном направлении ветра. Возможно, канал был нужен при других условиях.

Рейнар повернулся ко мне. Вблизи он оказался выше Мартена, хотя ненамного.

— Вы участвовали в обследовании?

— Составляла чертежи по отчетам мастеров. Нашла несколько старых схем, на которых ответвление обозначено особым образом. Только назначение этого знака мне неизвестно.

— Покажите после испытания. Люблю старые знаки с неизвестным назначением. Половину нашей работы они обеспечивают надежнее королевской казны.

Он надел перчатки, которые до этого держал в руке, и поднялся вслед за Одреном на следующий ярус. Гельт проводил его взглядом, затем обернулся ко мне.

— После испытания, Морен. Вы слышали?

— Слышала.

Мне хотелось улыбнуться, но я благоразумно склонилась над журналом. Сам владыка северных земель предложил посмотреть мои схемы.

Одрен спустился проверить раму и объяснил порядок работы. После каждой подачи энергии мы должны были записывать показания. К третьему этапу, испытанию под предельной нагрузкой, можно было переходить, только если первые два пройдут без отклонений.

Берт взял журнал. Я встала у разреза и приготовилась отмечать на нем те места, откуда нам передавали цифры. Над головой застучали шаги. Затем в стене что-то негромко загудело, и стеклянные трубки, еще недавно казавшиеся желтыми, вспыхнули теплым золотистым светом.

В кончиках пальцев появилось знакомое покалывание, но вместо того, чтобы исчезнуть, как обычно, распространилось до запястья. Я расстегнула манжету. Камень на кольце оставался белым.

На первом этапе отклонений не обнаружили. Берт записывал цифры, я переносила их на схему. Гельт даже сумел отыскать четвертый участок без моей помощи.

Перед второй подачей Одрен велел отодвинуть от стены ящики. Пока Берт помогал мастерам, я заметила на камнях бледные световые полосы. Они не исчезли, когда я повернула голову. Некоторые пересекали швы, другие словно скрывались в глубине стены.

Я сняла с доски чистовой разрез и подошла ближе.

— Берт, ты видишь на стене свет?

— Какой еще свет?

— Возле рамы. Тонкие линии, вот здесь.

Он посмотрел туда, куда я указывала, и пожал плечами.

— Солнце, наверное. Элиса, подержи этот конец.

Я помогла Берту перенести ящик. Отойдя от стены, перестала различать полосы, но успела запомнить их расположение. Одна совпадала с известным мне руслом, другая проходила слишком низко. Я сделала карандашом несколько отметок на схеме.

Из верхней галереи донеслось распоряжение начать вторую подачу. Медные зажимы на раме слабо засветились. Мастера наклонились над шкалами, я же едва не выронила карандаш.

Сквозь камень проступило то, что до сих пор существовало для меня лишь в виде условных линий на бумаге. Свет, густой и прозрачный, как янтарный мед, поднимался от нижнего яруса, расходился по ветвям, исчезал за перекрытием. В местах соединений он сгущался, затем растягивался в тонкие жилки. Я узнала главную магистраль башни и два ответвления, подводившие энергию к верхней площадке.

Внизу, почти у самого пола, извивался еще один поток. Он уходил в сторону горы, обрывался возле участка новой кладки и медленно возвращался назад. С каждым следующим колебанием возвращалось чуть больше света. Мне пришлось поднести схему ближе к глазам, чтобы убедиться, что я смотрю именно на тот участок, о котором вчера спорила с Гельтом.

— Нижнее ответвление, — сказала я. — Мастер Одрен, посмотрите на нижнее ответвление!

Смотритель обернулся, но тотчас вернулся к своим приборам.

— Морен, там нет измерительной рамки. Не мешайте.

Я увидела, как обратный поток достиг соединения с главным руслом. На мгновение оба потока наложились друг на друга, и в этом месте свет стал неприятно белым.

— Оно действует! Там энергия возвращается в главный канал. Если увеличить подачу, она соберется у перекрытия.

— Откуда вы это взяли?

Я ткнула пальцем в стену, совершенно забыв, что для остальных она выглядела так же, как и прежде.

— Да вот же! Над третьей ступенью, от новой кладки до рамы!

Ближайший к нам мастер остановил руку над шкалой. Его помощник наклонился к прибору и сказал, что показания на втором участке начали меняться. Одрен потребовал повторить измерение. В тот же момент камень на моем кольце посинел. Я отступила, как нас учили, и услышала над головой два коротких удара колокола.

Берт схватил меня за локоть. Мы поспешили к двери; сверху уже спускались мастера. На площадке мне понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к обыкновенному дневному свету. Камень в кольце постепенно бледнел.

— Все вышли? — спросил Одрен с порога.

Мастера пересчитались. На верхнем ярусе оставались двое дежурных у выхода и Рейнар. Подачу энергии прекратили, после чего башня продолжала работать в обычном режиме. Смотритель не позволял никому возвращаться внутрь, пока дежурные не закончили проверку.

За годы службы я присутствовала на множестве испытаний. В лучшем случае могла определить, заряжен ли накопитель и с какой стороны работает сильный маг. В семнадцать лет я пыталась развить свою чувствительность, но вскоре отказалась от занятий: накопители оказа-

лись дорогим удовольствием, а успехов почти не было. И вдруг я увидела то, что прежде могла только вообразить.

— Вы в порядке, госпожа Морен?

Рядом стояли Рейнар и Одрен. Дракон успел снять перчатки и расстегнуть сюртук.

— Кажется, да.

— Вы предупредили об изменении в нижнем контуре. Какие именно показания заставили вас это сделать?

— Я не смотрела на показания.

— Тогда что вы заметили?

Я призналась, что видела движение света в стене, и под недоверчивым взглядом Гельта попыталась изобразить его. Отметила запечатанный канал, соединение с основным руслом и несколько боковых линий.

Рейнар взял лист. Одрен указал на одну из линий.

— Здесь магистраль уходит под свод. Но это есть на чертеже. Ничего удивительного, что госпожа Морен ее изобразила.

— А вот здесь? — Рейнар коснулся другого участка. — Это ответвление куда идет?

— Не знаю, — честно ответила я. — Свет там был очень слабый. Он исчезал примерно за ладонь до вашей отметки на стене.

Одрен нахмурился и подозвал одного из горных мастеров.

— На этой высоте мы обнаружили старую полость. На схему не наносили, только внесли в журнал. Госпожа Морен, вы читали запись?

— Журнал измерений я читала, а журнал осмотра нет. Он у горной службы.

— Помню эту полость, — сказал один из мастеров. — Мы на прошлой неделе туда даже зонд просовывали. Пустая, на конце изгиб.

Рейнар попросил принести поверочный накопитель, а Одрен отправил помощника в кладовую.

— Вы когда-нибудь занимались чтением потоков? — спросил Рейнар.

— Пыталась в юности. Без особого успеха.

— Кто-нибудь в вашей семье обладал таким даром?

— Насколько знаю, нет. Отец переплетчик. Мать работала у красильщиков. У меня слабая чувствительность, была запись в свидетельстве при поступлении на службу.

— Как давно вы почувствовали изменения? В начале испытания или ближе к концу?

Я объяснила, в какой последовательности все происходило. Рейнар выслушал меня, затем предложил провести опыт.

На скамью положили камень с двумя скрытыми под медной пластиной канавками. Рейнар предложил мне определить, по какой из них проходит энергия. Прежде с таким прибором я не работала.

Одрен подсоединил накопитель. Я приблизила к камню ладони и ощутила покалывание. Когда смотритель попросил указать направление потока, я развела руками.

— Теперь я заменю накопитель, — сказал Рейнар. — Отойдите немного, если почувствуете боль или головокружение.

Он поднес пальцы к входному отверстию. Внутри камня загорелась тонкая полоска. Она миновала первый изгиб, разделилась, и большая ее часть повернула направо. Я указала на правый край, затем, к собственному изумлению, добавила:

— Здесь есть еще короткий отвод. По нему тоже проходит немного энергии.

Одрен снял медную пластину. Взглянув на канавку, он подозвал Гельта.

— Правильно. Отвод тоже есть.

Мне велели отвернуться, пока Одрен менял положение заслонки. С энергией Рейнара я снова сумела различить путь, а с обычным накопителем опять ничего не увидела.

Я ожидала, что Рейнар обрадуется успешным испытаниям. Но он, напротив, стал необычно серьезным и обратился к смотрителю с просьбой принести парные мерники.

Такими инструментами проверяли совместимость магии при подборе мастеров для сложных работ. Для меня проверка прежде не имела смысла: собственного запаса энергии едва хватало, чтобы проявить чувствительность.

— Нам нужен второй комплект для сравнения, — добавил Рейнар. — Горные мастера ведь держат запасной на случай повреждения первого?

Одрен кивнул и распорядился открыть кладовую.

Пока мы ждали, я присела. Гельт достал сверток с хлебом и сыром и, к моему удивлению, предложил мне половину.

— Ешьте, Морен. Если вы свалитесь с ног, объяснять сегодняшний отчет придется мне одному.

Парные мерники принесли в двух плоских шкатулках. В каждой лежали по два стеклянных круга с тонкой металлической нитью посередине. Рейнар выбрал одну пару, другой комплект оставил Одрену. Один круг он положил передо мной, второй взял в руки.

— Ничего особенного от вас не требуется. Положите ладонь на стекло и подождите.

Сначала моя нить едва шевелилась. Рейнар подал в свой мерник немного энергии, и на стекле у него появилось золотистое кольцо. Тонкая нить под моей ладонью приподнялась и изогнулась. На стекле обозначилось второе кольцо, гораздо бледнее первого. Оба мерника начали издавать негромкий звук. Две ноты слились так чисто, что различить их по отдельности мне не удавалось. Я чувствовала под ладонью слабое тепло.

Рейнар изменил ритм подачи. Кольцо на моем стекле перестроилось вслед за его кольцом. Одрен, стоявший у скамьи, снял очки, протер их и попросил меня переложить ладонь на другой прибор. Он сам подготовил запасную пару, проверил нити и велел повторить опыт. Результат оказался таким же.

— Совпадение полное, господин Кест, — сказал он.

Рейнар дождался, пока погаснут мерники, и поднял голову.

— Вы моя истинная, госпожа Морен.

Он объявил об этом посреди площадки, в присутствии доброй дюжины человек. Гельт застыл с недоеденным куском сыра. Кто-то за моей спиной присвистнул. Берт уронил крышку чернильницы.

Я знала, что такое истинность. В трактатах о совместимости ей посвящали несколько страниц, в любовных романах из Неллиной лавки — сотни. Ни в одном из прочитанных мною романов истинная не стояла с испачканной углем юбкой перед собственным начальником.

— Но я замужем, — сказала я.

— Простите, я выразился неудачно. Речь о совместимости нашей магии. Это открытие ничего не меняет в вашем браке.

— Тогда я предпочла бы, чтобы в отчете так и написали.

Одрен деликатно кашлянул. Рейнар обвел взглядом собравшихся и кивнул.

— Разумеется. Мастер, внесите в протокол результаты испытаний обоих комплектов. Госпожа Морен вправе ознакомиться с записью до того, как ее передадут в совет. И не забудьте о башне. У нас появилась возможность исследовать тот участок, который до сих пор был недоступен.

Одрен сообщил, что повышение нагрузки отменяется. В ближайшие дни установят дополнительные приборы, а затвор пока оставят в обычном режиме под наблюдением дежурных. Нам еще предстояло выяснить, отчего возникло отклонение.

Рейнар напомнил о старых чертежах. Он не узнал знак с двумя петлями, хотя вспомнил похожие изображения в северных святилищах. Попросил разрешения передать копию в исследовательский корпус и пригласил меня на более подробную проверку дара.

— Если подтвердится то, что мы видели сегодня, вам понадобятся занятия с мастером, который умеет работать с такими способностями. В городской службе, боюсь, его не найдется.

Я принялась расспрашивать его об обучении, но Рейнар предложил отложить вопросы до встречи в корпусе. Ему предстояло еще побывать у западного затвора. На этот раз Одрен проследил, чтобы люди освободили площадку, а Рейнар отошел подальше от защитного столба.

Обратную дорогу мы проделали почти без разговоров. В чертежной я переписала заметки, сохранила рисунок потоков в отдельной папке и подписала копию протокола. Гельт отпустил меня пораньше.

У красильни я купила две медовые лепешки. Зайти к Мартену в мастерскую не решилась: для предстоящего разговора не годилось место, где в любую минуту мог появиться заказчик.

Муж уже был дома. На кухне пахло жареным луком, из окна тянуло вечерней прохладой. Мартен стоял у плиты с деревянной лопаткой в руке и внимательно следил за сковородой.

— Как хорошо, что ты пришла. Я почти достиг той степени отчаяния, при которой мужчина начинает добавлять в подливку все, что найдет в шкафу.

Я положила лепешки на стол, подошла к нему и обняла со спины.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать.

— Дракон съел Гельта?

— Нет. Гельт сегодня даже поделился со мной завтраком.

— Тогда случилось нечто действительно серьезное.

Я дождалась, пока Мартен уберет сковороду с огня. Мы сели у окна, и я рассказала обо всем по порядку: как дракон приземлился, как шло испытание и что я увидела в стене. Муж слушал с интересом, несколько раз попросил объяснить, как выглядит поток, и удивился, когда я сказала, что могла различать его в толще камня.

— Погоди, — перебил он. — То есть канал, который они заложили, все-таки работал? Ты была права?

— Похоже на то. Только нам еще предстоит выяснить, зачем он нужен. Но, Мартен, дело не только в канале.

Я объяснила, что удалось установить с помощью парных мерников. Под конец мне стало неловко от того, с какой осторожностью я подбирала выражения, и я просто повторила слова Рейнара.

Мартен перестал крутить в пальцах лопатку, которую зачем-то принес с собой к столу.

— При всех сказал?

— Да. И сразу объяснил, что это означает совместимость магии. Я сказала ему, что замужем.

— Ну, с этой новостью его можно поздравить.

Он отложил лопатку и улыбнулся. Улыбка продержалась недолго.

— И что теперь делают с истинными?

— Ничего не делают. По крайней мере, без их согласия. Он предложил мне обследование в исследовательском корпусе. Возможно, я смогу учиться.

— С ним?

— С мастером, который занимается чтением потоков. Кто именно будет меня обучать, я пока не знаю.

— Послушай, а про истинных в книжках всегда пишут, что их тянет друг к другу. Будто жить порознь не могут. Это тоже связано с магией?

— В книгах много чего пишут. Помнишь, Нелла давала мне роман, где дракон превратил целую армию в цветы? На самом деле я ощущала магию, пока работали приборы. Когда Кест перестал подавать энергию, ощущение исчезло.

— Хорошо, — сказал Мартен. — А то я уже собрался потребовать, чтобы он перебрался жить на наш чердак. Куда деваться, если тебе без него теперь и дня не прожить.

Я засмеялась, но, взглянув на мужа, заметила, что он так и не притронулся к лепешке, которую обычно успевал съесть еще до ужина. Мартен отломил от нее маленький кусок, покрошил на блюдце и оставил там.

Он встал, прикрыл окно и вернулся на свое место. За стеной соседка звала детей ужинать, во дворе хлопнула калитка. Я потянулась через стол к его руке.

— Я сегодня была так счастлива, когда увидела эти потоки. Представляешь, мне больше не придется только срисовывать то, что нашли другие мастера. Если у меня получится освоить дар, я сама смогу исследовать сооружения.

— Я представляю, Элис. Помню, как ты жалела, что пришлось оставить занятия. Просто дай мне немного времени привыкнуть к мысли, что моя жена оказалась чьей-то истинной.

От этих слов у меня защемило в груди. Я пересела к нему, положила голову на плечо.

— Я твоя жена, Мартен. И ничего другого не хочу.

Он хмыкнул и обнял меня. Потом вспомнил о подливке, и нам пришлось спасать ужин. Уже за едой муж задал еще несколько вопросов. Его особенно интересовало, буду ли я способна работать без Рейнара. Я не сумела ответить. Два неудачных опыта с накопителем давали мало оснований для уверенности, но сдаваться из-за них я не собиралась. Мы договорились дождаться обследования.

Позднее, когда я погасила светильник в спальне, Мартен притянул меня к себе и поцеловал. В темноте я различала только очертания его плеча. Мы долго лежали рядом, разговаривая то о башне, то о задатке, который он успел внести утром. В конце концов я уснула, держа его за руку.

Глава 3. Чужое имя

На следующий день за завтраком мы услышали, как кто-то стучит в калитку. Мартен вышел во двор и вернулся с незнакомым мальчишкой в синем плаще. Тот прижимал к груди кожаную сумку, словно опасался, что ее выхватят.

— Госпожа Элиса Морен здесь проживает?

— За столом сидит, — ответил муж. — Если подождете, пока она дожует, сможете с ней поговорить.

Мальчишка покраснел. Я отложила хлеб, вытерла руки и подошла к нему. Он вынул из сумки конверт с печатью северного дома и потребовал расписаться в книжечке. В графе, где обычно полагалось указывать должность получателя, стояло всего одно слово: «Истинная».

Я зачеркнула его, написала «чертежница городской службы» и вернула книжку. Мальчишка посмотрел на исправление, но спорить не стал. Мартен проводил его за калитку и, вернувшись, поставил на стол чайник.

— А я вчера до ночи убеждал себя, что это у них научное выражение.

— Ученые, видимо, не ведают, что творится у них в почтовой службе.

В конверте лежало письмо Рейнара и предложение от королевского исследовательского корпуса. Если обследование подтвердит мои способности, меня примут на обучение с сохранением дохода, предоставят доступ к архиву и возможность участвовать в выездных исследованиях. В семнадцать лет я отдала бы за одну только возможность поработать в том архиве все, чем владела.

— Мартен, здесь содержание на время обучения! Смотри, чуть больше того, что я получаю в красильне за полный месяц.

Он взял бумагу, внимательно прочитал условия, перевернул лист и нахмурился.

— А это что?

На обороте было сказано, что по окончании обследования мне предоставят комнаты в северной резиденции, если я сочту ежедневные поездки оттуда до испытательных площадок удобнее, чем дорогу из города.

— Я не собираюсь там жить. До корпуса от нас двадцать минут пешком.

— Так зачем они тебе комнаты предлагают?

— У них, наверное, все приглашенные мастера живут при резиденции. Для горных исследований это действительно удобнее.

Муж вернул мне лист.

— Ты сперва выясни, кто за все это платит, Элис. Королевский корпус или лично Кест. Разница, по-моему, есть.

Я обещала выяснить. У калитки мы поцеловались, как обычно, и Мартен сунул мне в сумку оставшийся бутерброд.

В бывшей красильне, где находилась наша служба, меня остановила госпожа Эмма, заведующая выдачей бумаги, и спросила, когда я намереваюсь посетить столицу. Я сказала, что никуда не собираюсь. Госпожа Эмма смутилась и пожелала удачи в новой жизни. Берт, услышав об этом, положил мне на стол листок с изображением дракона, державшего в когтях чертеж. Из пасти дракона тянулась надпись: «Сдать до четверга». Я придавила рисунок чернильницей и отправилась к Гельту.

Мастер показал мне распоряжение о временном переводе. В течение месяца я могла числиться в городской службе с сохранением места, но получать жалованье за счет корпуса.

— Хороших чертежников я отдавать не люблю, — сказал Гельт. — Однако отказывать вам было бы глупостью. Одрен прислал первые записи с новой рамки у нижнего канала. Теперь

по крайней мере видим, когда там скапливается энергия. Копии для вас закажу. Оригиналы оставим здесь, они у нас в единственном экземпляре.

До обеда я исправляла последние размеры на плане солодовни, а в половине второго отправилась в корпус. Он занимал целый квартал за старой городской стеной. В главном дворе рос огромный каштан, вокруг которого поставили скамьи. В одном крыле здания находилась библиотека, в другом — мастерские. Через распахнутую дверь ближайшей я увидела, как двое людей укладывают на стол прозрачную плиту. По ее краю пробегали зеленоватые искры.

Верана Сольт ждала в небольшой комнате с окнами во двор. Это была плотная женщина с коротко остриженными светлыми волосами, среди которых уже хватало седых. Она возилась с застежкой на рукаве рабочей куртки и, заметив меня, указала на стул.

— Морен? Садитесь. Мне передали, что господин Кест нашел у вас дар чтения потоков. Чему вы прежде обучались?

Я рассказала о давних занятиях, свидетельстве о чувствительности и работе в городской службе. Верана уточнила, какие испытания проводили мы с Одреном после остановки, и записала мой ответ.

— Сегодня господина Кеста здесь не будет. Посмотрим, что вы способны делать с приборами, которыми будете пользоваться ежедневно.

Она достала из шкафа плоскую керамическую коробку с шестью латунными контактами.

— Под крышкой проложены три линии, но к этому контакту подключены только две. Попытайтесь их нарисовать.

Мастер присоединила к одному из контактов накопитель. Я положила ладони по краям коробки и ощутила знакомое тепло. Под крышкой едва угадывалось бледное пятно. Мне понадобилось несколько попыток, чтобы начертить хотя бы одну линию. Вторую я обозначила пунктиром, наугад наметила и третью, хотя никакой уверенности в ее расположении у меня не было.

Верана открыла коробку. На тонком слое глины лежали три изогнутые полоски металла. Первую я изобразила правильно, вторую довела не до того контакта, а третья, неподключенная к источнику, находилась совсем не там, где я предположила.

— Пробуем еще раз. Рисуйте то, что действительно видите. И не давите на крышку, вы ее не продавите.

На второй попытке я проследила свечение до середины крышки. Там оно разделилось на две ветви. Я поспешила отметить их на бумаге, но Верана уменьшила подачу, и одна ветвь исчезла. Оказалось, что я приняла свечение, разошедшееся вдоль крышки, за поток в металлической полоске.

— Уже лучше, — сказала мастер. — Но такую схему я бы не разрешила передавать строителям. В коробке вы ошиблись на дюйм, а в башне это может быть целая сажень.

Мне было досадно. На северной башне я различала потоки почти с той же отчетливостью, с какой сейчас видела собственные руки. Здесь же приходилось бороться за каждую линию.

Следующее устройство представляло собой толстую каменную плитку. Верана показала, куда присоединить накопитель, и предоставила мне возможность самой выбрать силу подачи. Я начала с самого слабого положения регулятора, ничего не увидела, повернула рукоятку еще на деление, затем еще на одно. Свет в камне стал заметнее. В какой-то момент я решила усилить его, чтобы разглядеть дальний угол, и почувствовала резь в глазах. Мне показалось, что все ветви слились в одно яркое пятно.

— Руку уберите!

Верана отключила накопитель. Я заморгала, пытаясь избавиться от пятен перед глазами. Мастер подала мне кружку воды и отодвинула каменную плиту.

— Вот за это и не люблю, когда человек впервые видит сильный поток в паре с драконом. Кажется, будто надо всего лишь прибавить энергии. С Кестом большая часть работы по согласованию происходит сама собой. С накопителем вам приходится подстраиваться вруч-

ную. Если увеличивать подачу без настройки, вы только засветите себе глаза. Сегодня с плиткой закончили.

Мне хотелось попробовать еще раз, но мастер подсунула мне лист с крупными цифрами и велела сначала убедиться, что я различаю хотя бы их. Пока пятна перед глазами медленно исчезали, во дворе двое учеников спорили, куда унести разбитый светильник.

— Дар есть, — сказала мастер, заполняя журнал. — И, по всей видимости, довольно хороший. Но свидетельства о готовности самостоятельно работать я вам пока не выдам. Предлагаю три занятия в неделю с преподавателем по мерникам и два со мной. Прочее время будете заниматься чертежами северного затвора. Если окажется, что нагрузка велика, пересмотрим расписание.

Я выпрямилась на стуле. Меня принимали! Уже у двери я вспомнила о вопросе, который утром задал Мартен, и достала письмо.

— Госпожа Сольт, позвольте уточнить условия. Здесь указано, что мне полагается содержание. Кто его выплачивает?

— Корпус. У нас есть средства на подготовку мастеров, совет утвердил расходы в начале года. Исследование северной башни отчасти финансирует дом Кестов, но ваш договор будет заключен с нами. Если хотите убедиться, зайдите к казначею. Он покажет, из какой книги идут выплаты.

— А комнаты в резиденции?

— Это к господину Кесту. В вашем договоре ничего подобного нет. Живите дома. Мне главное, чтобы вы не опаздывали.

В канцелярии я подписала договор, получила деревянный жетон для посещения общего архива и письменно отказалась от комнат. На предложении Кеста отдельного места для отказа не предусмотрели, и канцеляристу пришлось разыскать чистый лист.

По дороге обратно в красильню я свернула к Нелле. Ее дочь, сидевшая у прилавка, громко спросила, умею ли я теперь летать.

— Пока только ходить пешком, — ответила я.

Нелла отправила девочку к отцу, принесла две чашки и поинтересовалась, знает ли Мартен о случившемся. Я рассказала ей о башне и о том, что меня приняли на обучение.

— Поздравляю, Элис! А Мартену я сейчас не завидую. У нас за утро две покупательницы вполне серьезно рассуждали, дадут ли ему денег за развод. Я их попросила за подобными сведениями обращаться куда угодно, только не ко мне.

Я поставила чашку так резко, что чай перелился на блюдце.

— Какой еще развод? Я что, объявляла, что развожусь?

— У меня половина товара посвящена тому, как истинные друг друга встречают, а потом живут долго и счастливо. У покупательниц богатое воображение. Хочешь знать, как на самом деле устроены дела в драконьих домах, загляни вон на ту полку.

Нелла принесла мне тонкую книгу в зеленом переплете. Это был сборник установлений о магических союзах. Судя по оглавлению, бракам в нем отводилось гораздо меньше места, чем совместному попечительству над магическими сооружениями. Я купила книгу за половину цены, пообещала подруге зайти на неделе и отправилась к Мартену. Мне хотелось узнать, что слышал он.

В мастерской двое заказчиков стояли возле верстака, на котором Мартен собирал раму для шкафа. Гаррет пересчитывал дверные петли у окна. Я вошла сбоку, чтобы не мешать разговору, и как раз услышала, что один из мужчин спросил у мужа:

— А ты, Мартен, за казенные-то заказы не возьмешься? Говорят, скоро северный дом станет твоим главным клиентом. Я бы на твоем месте с Кеста стребовал такую плату за уступку, что еще три мастерские купил бы.

Муж перестал подгонять деревянный шип. Мне был виден его профиль. Он медленно вытер пальцы о рабочий фартук.

— За шкаф договор у нас с господином Ферном, — сказал он. — А если тебе, Дорн, торговаться охота, ступай на скотный рынок. Там хотя бы разговор о покупке будет уместным.

Ферн покашлял. Гаррет перестал считать петли. Дорн попытался отшутиться, но Мартен уже снова взялся за раму. Тут Ферн заметил меня, поздоровался, и оба мужчины поспешили проститься. Я не успела сказать ни слова. Дорн, проходя мимо, отвел глаза и придержал для меня дверь, хотя я никуда не собиралась выходить.

Гаррет дождался, пока шаги стихнут на улице, ссыпал петли обратно в коробку и объявил, что зайдет утром. Он подмигнул мне, дружески хлопнул Мартена по плечу и оставил нас одних.

— Ты давно пришла? — спросил муж.

— Достаточно давно. Мартен, прости, пожалуйста.

Он с усилием вогнал шип в паз.

— За что ты-то извиняешься? Это Дорну к нам с извинениями являться надо.

Я хотела обнять мужа, но он держал раму, и пришлось отступить. Возле счетной книги лежал образец дерева. Я вспомнила, что обещала сегодня помочь выбрать доски для будущего помещения и совершенно об этом забыла.

— Давай дома поговорим, Элис, — сказал Мартен. — У меня до вечера столько работы, что Дорну следовало бы заплатить за потраченное время.

Я поцеловала мужа в щеку и отправилась в красильню. Там мы с Бертом разобрали бумаги, а Гельт подписал распоряжение о переводе.

Дома я растопила печь, поставила тушиться овощи, накрыла стол. Мартен пришел позднее обычного. Он умылся во дворе, переоделся и сел ужинать. Я рассказала ему об испытании у Вераны, о договоре и о том, что отказалась от проживания в резиденции. Он внимательно выслушал, попросил показать расписание и согласился, что условия хорошие.

Я достала купленную у Неллы книгу и положила рядом с его тарелкой.

— Здесь про магические союзы. Видишь, сколько там всего, кроме браков?

— Ты всерьез решила, что мне нужно разобраться в правилах женитьбы драконов?

— Да там о совместной работе говорится, об ответственности за сооружения!

— Элиса, я понимаю, что у вас в башне что-то такое случилось с магией. Но почему теперь тебя даже в почтовой книжке называют чьей-то истинной вместо твоей должности? Почему какой-то идиот сегодня в моей собственной мастерской решил, что может поговорить со мной о продаже жены?

— Так я же ничего не сделала!

— Знаю.

— И чего ты от меня хочешь? Мне теперь дома сидеть, чтобы господину Дорну не о чем было судачить?

Мартен отодвинул тарелку. Я пожалела о сказанном, но в тот момент слишком рассердилась, чтобы взять слова обратно. Мне казалось ужасно несправедливым, что вместо радости от первого настоящего назначения пришлось оправдываться за чужие глупости.

— Я не сказал, что тебе надо сидеть дома, — ответил муж. — И не собираюсь говорить. Только мне хотелось бы, чтобы Кест хоть немного думал о том, что делает. Ему ничего не стоило объявить перед толпой, что у вас с ним магия совпала. Он ведь прекрасно знает, как это слово понимают люди.

— Он сразу объяснил, что брак тут ни при чем. Я тебе вчера рассказывала.

— Объяснил десятерым мастерам. А Дорну кто объяснит? Да ладно бы только Дорн! Он без мозгов родился и, видимо, таким помрет. Сегодня покупательница принесла мне задаток за кухонный стол и спросила, не стоит ли подождать с заказом до твоего переезда. Вдруг, говорит, вы вслед за супругой покинете город.

Я представила, сколько раз за день ему пришлось слушать подобное. Мне-то никто не предлагал продать мужа.

— Мартен, я не уезжаю. От комнат отказалась. Меня приняла мастер Сольт, договор с корпусом. И я действительно рада. Помнишь сборник схем древних башен? У них он стоит в открытом доступе.

— Тот, за который торговец просил восемнадцать золотых?

— Тот самый.

— Тогда непременно посмотри, хочу знать, чего нам удалось избежать за такие деньги.

Я улыбнулась. Он накрыл мою руку ладонью.

— И прости за Дорна. Я знаю, что ты тут ни при чем. Просто не самое приятное дело весь день слушать, как жена от тебя уходит, особенно когда она на самом деле никуда не уходит.

После ужина Мартен принес два образца древесины. Мы выбрали доски для перегородок, сверили расходы и обнаружили, что поставщик округлил сумму в весьма удобную для себя сторону. Муж пошутил, что с такой женой даже при желании не сможет разориться.

В спальне Мартен подошел ко мне сзади, вынул из моих волос последнюю шпильку и положил ее перед зеркалом.

— Голова уже не болит?

— Почти прошла.

Он помассировал мне виски. Я повернулась, обняла мужа за шею и поцеловала. Мартен ответил на поцелуй, а когда отстранился, чтобы спросить, не слишком ли я устала, я потянула его за собой.

Следующие три дня я ходила в корпус. Училась различать слабое свечение, не увеличивая подачу, и делать отметки в тот момент, когда видела поток. К концу третьего занятия сумела правильно начертить обе действующие линии в керамической коробке.

В архиве я наконец отыскала тот самый сборник. В нем имелись схемы девяти башен, хотя в Вельне сохранилось только пять. На изображении сооружения, разрушенного задолго до появления нашего города, я заметила знакомый знак: две петли соединялись в середине и расходились в стороны. Одна была нанесена синей краской, другая красной. Хранитель архива сообщил, что оригинал находится в святилище Двух Крыльев. В корпусе имелись только копии.

— Госпожа Морен, вы уже добрались до раскрашенного Гейра? Как вам его труд?

Я обернулась. Рейнар стоял между стеллажами с двумя книгами под мышкой. На нем была светлая рубашка и темная жилетка без знаков отличия.

— В тексте почти ничего нет про цветные обозначения, — сказала я. — А знак встречается на схемах нескольких башен. Вот на этой, например.

Рейнар положил книги на соседний стол и наклонился над разворотом.

— Гейр не объяснял, откуда брал краски. Иногда копировал их с оригиналов, иногда добавлял сам, чтобы ему было удобнее различать линии. За это хранители святилищ его недолюбливали. Однажды он раскрасил целую каменную плиту в угоду собственной теории. С тех пор исследователям там выдавали только карандаши.

— И как теперь понять, где он что добавил?

— Проще увидеть подлинник. Верана сказала, что у вас появились первые успехи с накопителями. Поздравляю.

— Пока скромные.

— Три дня занятий, госпожа Морен. Дайте себе хотя бы неделю.

Он провел пальцем по полю старой схемы, остановился возле выцветшего обозначения и попросил меня подать лист с выписками. Внезапно я обнаружила, что мы говорим уже о третьем сооружении. Рейнар помнил, где на стенах святилища Двух Крыльев находились похожие знаки, и даже начертил по памяти план одной из галерей. Мне было так интересно, что я забыла о времени.

— Мы собирались отправить туда группу мастеров на следующей неделе, — сказал он, возвращая карандаш. — Нужно осмотреть хранилище старых накопителей и сверить несколько надписей. Думаю, вам стоило бы побывать там лично. Спросим Верану, как она отнесется к мысли взять вас с собой.

Я подняла голову. Наверное, выражение моего лица выдало меня, потому что Рейнар улыбнулся.

— Вы давно хотели там побывать?

— С тех пор, как прочитала про Два Крыла в учебнике. Мне было четырнадцать.

— Тогда нам остается надеяться, что учебник вас не обманул.

Рейнар объяснил, что до горной станции нас довезут повозки, а оттуда поднимут по воздуху. Старая лестница сохранилась, но весной на ней обрушилась площадка. В группе будет шесть исследователей и несколько драконов сопровождения, включая его самого. Предполагалось провести в святилище две ночи. Меня могли взять как чертежницу, если Верана даст согласие.

Я остановила Рейнара, когда он уже собирался уходить.

— Господин Кест, прошу вас не называть меня истинной при посторонних. Мне приходят письма, где это указывают вместо должности. В городе говорят, будто я собираюсь переехать к вам.

— В самом деле? Комнаты в резиденции мы предлагаем всем мастерам, которым приходится много работать за пределами города. Пожалуй, мне следовало осторожнее выразиться на башне. Прошу прощения. Я распоряжусь, чтобы в переписке использовали ваше имя и должность. Что касается пересудов, полностью избавить вас от них я едва ли смогу.

— Понимаю. Спасибо.

Верана выслушала мое предложение в конце занятия. Я показала ей две схемы с одинаковыми обозначениями и объяснила, зачем мне нужны оригиналы.

— Хорошо. Но никаких самостоятельных испытаний. В святилище есть старые источники, о которых мы знаем еще меньше, чем о нашей башне. Возьмите лекарство от головной боли. После первого полета оно многим требуется даже без всякой магии.

Она записала даты на обороте моего расписания. Выезжали через четыре дня, вернуться должны были к вечеру третьего дня поездки. По дороге домой я купила горячих пирожков с капустой, которые Мартен любил с чуть подгоревшими краями.

Муж встретил меня у калитки, которую наконец починил. Я вручила ему пирожки, и мы отправились на кухню. Пока он ел, я объяснила, куда собирается группа, зачем меня берут с собой и сколько времени займет поездка.

— В святилище Двух Крыльев? — переспросил Мартен. — Это где лестница на картинке в твоем учебнике идет прямо в облака?

— Да. Только сейчас там часть дороги разрушена. От горной станции нас поднимут драконы.

Муж откусил пирожок, прожевал, задумчиво посмотрел на бумагу.

— Кест тоже едет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.